

полистилистики» [1], или, метафорически перефразировав сочетание «стиль эпохи» – «эпохой стилей».

Литература

1. Бергер Л.Г. Пространственный образ мира (парадигма познания) в структуре художественного стиля: (философия искусства) // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 114-128.
2. Постмодернизм и культура (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 3-9.

«УНИВЕРСАЛИЗМ» Н.А. БЕРДЯЕВА: НАЦИОНАЛЬНАЯ ЧЕРТА ИЛИ ИТОГ ДУХОВНЫХ ИСКАНИЙ?

Е.В. Козлов

*Киевский национальный
университет им. Т. Шевченко*

В истории человеческой мысли закономерно и неизбежно наступают периоды предельно напряженного поиска ответов на «вечные» вопросы мирового и индивидуального бытия, самозабвенного искания истины и смысла всего сущего, страстной устремленности к абсолютным духовным ценностям. Эпоха «серебряного века» русской религиозной философии и один из ее выдающихся представителей – Николай Александрович Бердяев (1874-1948) – навсегда останутся яркой страницей в летописи духовной эволюции человечества.

Пространство философского наследия Н.А. Бердяева и широкий спектр затронутых философом извечных проблем личностного и сверхличного (социального, социально-исторического) бытия человека обусловлены целым рядом разнокачественных факторов. Главным и определяющим среди них для историко-философского исследования творчества как Бердяева в частности, так и любого мыслителя вообще оказывается сама его личность, наиболее характерные черты которой обуславливают ее первичное мироощущение и формируют соответствующий тип мировоззрения, накладывают определенный качественный отпечаток на весь процесс философских поисков.

Подводя итоги более чем 40-летнему периоду философского творчества в своем автобиографическом исследовании «Самопознание», Бердяев указывает, что «несмотря на западный во мне элемент, я чувствую себя принадлежащим к русской интеллигенции, искавшей правду... Я русский мыслитель... И мой универсализм... – русская черта» [1, с. 11].

Формулируя задачу и цель данного доклада как попытку представить смысловое содержание понятия «универсализм» (в истолковании его Бердяевым) не только как русскую национальную черту, а как логический результат напряженных духовных поисков и сложной философской эволюции мыслителя, представляется необходимым осветить некоторые характерные особенности его интеллектуального строя и психической организации. В итоге подобного рассмотрения выясняется противоречивый характер взаимодействия разноплановых «душевных оболочек» Бердяева, что обусловлено, с одной стороны, исключительной философской интуицией и глубиной религиозного чувства мыслителя, а с другой – эклектическим сочетанием «восточных» и «западных» элементов в его мировоззрении.

Русский универсализм, отмечает Бердяев, есть следствие того, что «русский народ является весьма поляризованным народом, он есть совмещение противоположностей... Россия есть целая часть мира, огромный Востоко-Запад, она объединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, – восточное и западное» [2, с. 78].

Одним из первичных мировосприятий философа было осознание «чуждости» и «греховности» «мира сего», «бренности и эфемерности всех вещей в этом мире», и потому «лозунг о неприятии мира» ...был исходным лозунгом моей жизни, был моей метафизической природой» [1, с. 153]. Определяющей тенденцией в формировании мировоззрения философа выступает глубинное ощущение «универсальной духовности», первичности духовной реальности и второстепенности окружающего предметного мира, неприятие его «угнетающей обыденности». Соответственно, истина для Бердяева открывается лишь через интуитивные озарения, через прислушивание к «внутреннему голосу» собственного духа, его мысль оплодотворяется «интуициями жизни». Рационально-логическое, рефлексивно-интеллектуальное знание вторично по своему значению и выполняет лишь вспомогательную роль. Философское познание является «функцией жизни» и оно должно быть «практическим», т.е., свое призвание мыслитель видит прежде всего в решении вопросов морально-этического плана, что приближает его к фундаментальной интенции восточных философских учений. Безусловный примат духовного над телесным, склонность к аскетизму и вегетарианству, определенное отсутствие страха смерти и интуитивное ощущение бессмертия ярко подчеркивают типично восточные особенности мироощущения философа.

Рассмотрим теперь противоположный «полюс» личности Бердяева, связанный с его «западным элементом». Несмотря на «неразвитость дискурсивно-логического аппарата», философ отмечает, что у него «есть и рассудительность, очевидно, объяснимая моей французской кровью» (бабушка Бердяева была француженкой). Он раскрывает в себе «тот же мир мысли, что у Канта или Гегеля», ощущает «жизненный подъем и ра-

дость» от своего «умственного философского творчества», опровергает «как философ» возможность онтологического доказательства бытия Божьего. Е. Герцк называет его «острым диалектиком», который «утверждает мощь и бытийственность мысли, борется за нее» [3, с. 356]. Не отвергая своего «русского универсализма», философ отмечает: «Я был человеком западной культуры. Можно даже про меня сказать, что западная культура мне имманентна и что я имманентен ей» [1, с. 252]. Собственная философская концепция Бердяева начиналась с анализа философии И. Канта: «...в философии я... более всего прошел школу Канта», «в теории познания я вышел из Канта» [1, с. 97-99]. Такие утверждения давали основания некоторым западным исследователям считать Бердяева более немецким мыслителем-кантианцем, чем русским философом [4, с. 241].

Возникает вопрос: как в личности Бердяева могли сосуществовать такие разнокачественные составляющие? С одной стороны, мыслитель ощущает глубину собственного духа и осознает свою «спиритуальность», и это порождает «тоску по трансцендентному». С другой стороны, неуклонно проявляет себя мощный «западный элемент», который неминуемо приводит к «преобладанию мысли», что «включает» философскую рефлексию и тем самым сводит на нет созерцание, оставляя лишь «осознание неслиянности, ...бездны между мной и трансцендентным». «Духовным ядром» философ стремится к «размыканию в универсум, к наполнению универсальным содержанием», к «слиянию с божественной природой Христа», желает «быть микрокосмом», но его «держит в плену» и не «дает санкции» на потерю личности через растворение в «безличной божественности» его *idee fixe* – всеохватывающее чувство собственной свободы.

Подытоживая рассмотрение составляющих «универсализма» Бердяева, нельзя не прийти к выводу, что славянское происхождение с мощными окцидентальными и ориентальными факторами в соединении с «дионисическо-страстной природой» темперамента философа в определенной степени лишили его глубинного чувства духовной целостности и часто служили причиной резонансно-дисгармоничного взаимодействия его различных «душевных оболочек», обуславливали «душевную надломленность» и вызывали ощущение трагичности как собственного, так и космического бытия.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание. – М., 1991.
2. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. М. – 1990, №1.
3. Герцк Е.К. Николай Бердяев // Бердяев Н.А. Самопознание. – М., 1991.
4. Lowrie, Donald A. *Rebellious Prophet: a life of Nikolai Berdyaev*. – New York, Harper & Brothers, 1960.